

Я бессильно откинулся на грудку сухой травы, одной рукой растирая живот, другой прикрыв глаза. Голова пульсировала от боли. Я пытался обдумать это «недоразумение», но меньше чем за полчаса мысли начали блуждать.

Они обратились к Се Цзину.

Наши отношения с ним были странными. Близкими назвать нельзя, но и чужими мы друг для друга не были. Часто думал: родись мы в простых семьях, наверное, стали бы хорошими друзьями. Но судьба распорядилась иначе — мы наследники враждующих домов: Сяхоу и Се.

Мой отец, образец верности и чести, презирал весь род Се. Часто говаривал: они — паршивые овцы, крысы, несущие лишь запах наживы. Я соглашался, но в душе всегда исключал из этого списка Се Цзина.

Для меня он не был ни паршивой овцой, ни крысой. Он был единственным чистым родником в этом болоте.

Се Цзин был человеком, который мне нравился. Если точнее — я в него влюбился. И влюблён был уже несколько лет.

Впервые мы встретились шесть лет назад, на Празднике фонарей. Тогда я только достиг совершеннолетия и страшно негодовал из-за излишне учтивого имени «Шэньли», которым меня наградил отец. Спорить и ругаться было бесполезно, поэтому я позвал Ши Ичжи разделить со мной тоску за вином.

В ту ночь, выйдя из таверны, мы увидели улицы, утопающие в фонарях. Они мерцали, словно звёзды, и, глядя на них, можно было подумать, будто смотришь на саму Млечный Путь.

Молодость жаждет зрелищ, и мы с Ши Ичжи не были исключением. Увидев, как на праздник вышли девушки, обычно не покидавшие своих покоев, и теперь щеголяющие в нарядных одеждах, мы оба застыли, поражённые. Не говоря ни слова, ринулись на улицу, запруженную фонарями.

Встав у одной из лавок, я прикрывшись фонарём, чтобы тайком разглядывать проходящих красавиц. Ши Ичжи тут же ткнул меня локтем в бок, велел обуздать свой взор и не позорить Ши Лань. Сказав это, он сам принялся разглядывать девушек.

Мы простояли так некоторое время, то и дело толкая друг друга, как вдруг услышали возглас одной из девушек:

— Ах! Смотрите, это же третий молодой господин Се! Сёстры, скорее сюда! Третий молодой господин Се вышел!

Едва она произнесла эти слова, как перед нами возник юноша в белом. Лет шестнадцати-семнадцати, черты ещё не до конца оформились, но уже поражали. Стройный, статный, с алыми губами и белоснежными зубами, каждый его шаг был исполнен изящества, а улыбка могла бы растопить лёд. Одежда его тоже была непростой: на первый взгляд — простой белый халат, но если приглядеться, ворот и рукава были расшиты замысловатыми серебряными узорами, которые при лунном свете мягко мерцали, словно нефрит. И что важно — выглядело это дорого.

Я не был учёным, поэтому не мог описать его красоту словами. Знаю лишь, что все пять девушек вокруг не шли с ним ни в какое сравнение. Если он и был красавчиком, то

красавчиком высшей пробы. Уже в таком возрасте он выглядел так, что сердце замирало, и можно было только гадать, сколько же бед натворит, когда вырастет.

Поскольку в то время я ещё не осознал своих склонностей, то, отойдя от первого потрясения, начал волноваться. Повернувшись к Ши Ичжи, я вздохнул:

— Ши Ичжи, посмотри. У этого юноши лицо самого что ни на есть завидного жениха. В будущем он станет нашим грозным соперником. Искренне сочувствую всем холостякам столицы.

Ши Ичжи же, уже успев вытереть слюни, принял вид неподкупного праведника:

— Пфф. Золото снаружи, гниль внутри.

Я уставился на него:

— Зо... золото что?

— Золото снаружи!

— Ладно, ты умный, но договориться нельзя? Говори человеческим языком!

Ши Ичжи дёрнул бровью:

— Хочу сказать, что кроме внешности в нём нет ничего хорошего. Разве может семья Се воспитать что-то путное?

Я спросил:

— Министр наказаний... тот самый Се Янь?

Сложив веер, Ши Ичжи холодно усмехнулся:

— Шэньли, ты постоянно в походах, поэтому не знаешь столичных дел. Этот юноша — третий сын министра наказаний Се Яня, и зовут его Се Цзин.

Я застыл на месте и почувствовал, как всё моё восхищение мигом улетучилось. Как гласит поговорка: «Если верх кривой, то и низ не выпрямится». Се Янь был настолько испорчен, что сомневаюсь, будто даже самый хороший ребёнок смог бы вырасти нормальным под его началом.

Пока я размышлял об этом, третий молодой господин Се подошёл ко мне и, сложив руки в приветствии, сказал:

— Генерал Сяхоу.

Я удивился:

— Вы знаете, кто я?

Се Цзин мягко улыбнулся:

— Нет, но я узнал господина Ши. А раз вы с ним, то, скорее всего, вы и есть генерал Сяхоу.

Эта улыбка снова заставила моё сердце дрогнуть.

— Третий молодой господин Се, вы очень проницательны.

— Вы льстите, — ответил он, и в глазах его вспыхнули искорки. — Раз уж мы встретились, считаю это судьбой. Я... я хотел бы от имени отца принести вам извинения.

Извинения? За что? Я повернулся к Ши Ичжи, но тот лишь смотрел в сторону с презрительной миной.

— Третий молодой господин Се, слова ваши любопытны, — сказал Ши Ичжи. — Ваш отец на заседании Совета поставил генерала Сяхоу в неловкое положение, а теперь вы, его сын, приходите извиняться. У вашей семьи действительно большой апломб.

...Ясно. Мой отец снова поругался с Се Янем на заседании и, судя по всему, проиграл.

Се Цзин, оставаясь невозмутимым, ответил:

— Господин Ши, вы ошибаетесь. Я не одобряю поступков отца. Поэтому... эти извинения — не от него, а от меня лично.

— Некоторые действия отца действительно неуместны, я это понимаю. Но он привык действовать по своей воле, и никто не может его остановить — даже я. В конце концов... я всё же ношу фамилию Се.

После этих слов моё восхищение Се Цзином вспыхнуло с новой силой.

— Третий молодой господин Се, вы... вы действительно...

Ши Ичжи усмехнулся:

— Он действительно мастер общения, искусный оратор.

Я понизил голос:

— Ши Ичжи, это хорошие слова?

Ши Ичжи подмигнул:

— Конечно, хорошие. Я просто сказал то, что ты хотел сказать. Разве плохо?

Я посмотрел на улыбающегося Ши Ичжи, затем на молчаливого Се Цзина и впервые в жизни ощутил острое желание взяться за учёбу.

Несмотря на отъявленного злодея в отцах, сам он оказался хорошим человеком. Таково было моё первое впечатление о Се Цзине. Позже я узнал, что третий молодой господин Се куда более порядочен, чем я предполагал.

Се Цзин поступил на службу в семнадцать лет, как и его отец — в Министерство наказаний. Но стиль его работы был совершенно иным. Он не брал взятки, не пренебрегал человеческими жизнями, а просто добросовестно исполнял свои обязанности. Порой, удостоившись похвалы от Государя, он сиял от счастья.

Честно говоря, я восхищался такими людьми. Постепенно мы с Се Цзином стали общаться.

Иногда, когда выпадало свободное время, мы могли выпить вместе. А затем я ступил на широкую дорогу мужской любви и пустился по ней вскачь, уже не оглядываясь назад.

Когда во мне зародились романтические чувства к Се Цзину, отец, к несчастью, это заметил. Тут же схватив бамбуковую палку, он выпорол меня так, что я три дня лежал на скамье, вопя как ненормальный, и не мог встать.

Едва я пришёл в себя, отец подвёл ко мне Ши Лань.

— Смотри, это твоя жена. Поженитесь завтра.

В тот момент Лань-мэй посмотрела на меня с сочувствием, и её «братец Шэньли» пробежало мурашками по моей коже.

Как гласит пословица: «Чего не имеешь, того и хочешь». Отец полагал, что, женив меня рано, он решит все проблемы. Но он и не подозревал, что мои чувства не угасли. Напротив, они разгорелись с новой силой, словно тлеющий уголёк, укрытый плотным слоем ваты. Снаружи — ничего, а внутри — полыхает.

После той порки я действительно боялся сближаться с Се Цзином.

Чем больше я об этом думал, тем горше становилось на душе. Рывком я поднялся с места и открыл глаза, встретив взгляд Ши Ичжи. Тот стоял за решёткой с мрачным лицом.

Ши Ичжи снова пришёл навестить меня в тюрьме. Обычно острый на язык, сейчас он молча стоял, сложив руки за спиной. На голове у него была белая повязка, из-под которой проступала кровь.

Враг не двигался — и я молчал, не решаясь заговорить первым.

Спустя некоторое время Ши Ичжи сверкнул глазами, брови его взметнулись, и он прогремел, словно гром:

— Сяхоу Цянь! Чтоб тебя!

<http://bllate.org/book/15934/1423798>